

В. Сугробов

РАССКАЗЫ НЕРАДИВОГО РЫБАКА И ОХОТНИКА

УДК 639.1
ББК 47.1
С89

Сугробов В.Ю.

С89 Рассказы нерадивого рыбака и охотника / В. Сугробов. — М.: Аквариум-Принт, 2006. - 46, [2] с: ил.

ISBN 5-98435-490-X

В этой книге известный охотник и писатель Валерий Юрьевич Сугробов в увлекательной форме рассказывает о забавных случаях, произошедших с охотниками и рыболовами.

С этой книгой вы приятно проведете время, смеясь над комичными ситуациями, в которые попадают герои, а также почерпнете поучительные сведения об охоте и рыбалке.

УДК 639.1
ББК 47.1

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения Закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Сугробов В. Ю., текст, 2005

© Бачинская Н. А., рисунки, 2005

ISBN 5-98435-490-X

© ООО «Аквариум-Принт», 2005

www.infanata.org

Содержание

Письмо рыбака

(Из книги «Записки Зоозащитника») 4

Случай на охоте 11

Звериный бог 26

ПИСЬМО РЫБАКА

(Из книги "Записки Зоозащитника")

Дорогой друг! В своем письме ты меня спрашиваешь, как я рыбачу? Отвечаю. Впечатления незабываемые! Ты так много времени уговаривал меня сходить на рыбалку и так много рассказывал мне о том, какое увлекательное это занятие, что мы с моим товарищем не утерпели и последовали твоему совету — пошли ловить сома. Но начну по порядку, чтобы ты мог понять и оценить наше искреннее стремление отдохнуть по-человечески и получить максимум удовольствия. Можешь не сомневаться — мы получили «по полной», а впечатлений нам теперь хватит на всю оставшуюся жизнь.

Ты меня знаешь. Я ловил маленьких окуньков и пескариков, но такой рыбалки, как эта, я еще не помню. Затемно мы вышли с моим товарищем Серегой на рыбалку. Птички спят, люди спят. Мы тоже на ходу спим, но, как заядлые рыбаки, идем. Сом, как ты мне объяснял, — рыба серьезная. Хищник. Мы и приманку надлежащую взяли — мясо почти свежее, местами тухленькое. В общем все, как полагается! Утром прохладно, особенно когда дует северный ветер. Друг мой впереди идет, я сзади. Все бы хорошо, да любит мой товарищ перед самым носом останавливаться. Остановится и закурить предлагает. Я уже заикаться стал от таких его неожиданных появлений.

— Бросай курить, говорю! Твое курение вредит моему здоровью!

Он не понимает, и все за свое. Река у нас очень красивая. Широкая, прямо скажем, живописная, островов много. Вот мы и решили порыбачить на одном из таких островов, находящемся как раз посередине реки. Можно забрасывать и вправо, и влево! Хочешь под один берег, хочешь — под другой! Лодка у нас маленькая, двух человек не выдержит. Решили мы на остров переправляться по очереди. Привязали к лодке веревку. Серега уплыл и высадился. Я подтянул лодку к себе и сам в нее сел. Сижу, гребу, значит. Гребу, гребу и вдруг слышу шипение. Нехороший, надо тебе сказать, звук. Очень подозрительный. Я стал бойчее грести. Шипение усилилось. Пропускает где-то лодка. Я еще сильнее налег на весла. В темноте не разберешь, где остров. Серега на берегу маячит, огонек от его сигареты далеко видать. Я уже на середине пути. Лодка совсем сдулась. Борта обвисли. Попа у меня внизу висит, ноги вверх, руки задираю выше головы и так пытаюсь грести. С горем пополам проплыл еще несколько метров. До острова еще прилично, а уже мелко. Это я к тому, дорогой мой друг, что уперлась моя попа в дно реки — и ни туда и ни сюда! И не выберешься из такой лодки! Встал я, можно сказать, дорогой мой кореш, на вечный

якорь. Уж я и ерзал, и расталкивал лодку в разные стороны! Ни с места, и все! Вода холодная, лезть не хочется. Но что делать! Еще минут пять, и лодка совсем затонет. Выбрался я кое-как на берег мокрым и несчастным, убитым, можно сказать, таким неожиданным горем. Уже наловился. зуб на зуб не попадает. Не повезло мне. Но только потом я понял, как я был к себе тогда несправедлив. Все познается в сравнении. Мы, конечно, взяли с собой и клей, и заплатки, но когда чинить? Рыбачить надо, время-то идет. Решили ремонт лодки отложить до утра. Рыба, надо тебе сказать, у нас всякая. И маленькая, и большая, и даже очень большая! Пока мы разворачивали удилища, пока насаживали приманку, наши разговоры все о рыбе шли.

— Серега! — спрашиваю я дрожащими от холода губами. — Ты когда-нибудь ловил большую рыбу?

— Никогда! — Отвечает Сергей.

- А д...д...д...очень большую?

— Нет.

— А если, д...д...д...в реку крокодилов запустить, будут д...д...д...клевать?

— Может, и будут! Но пожрут полдеревни!

Я содрогнулся.

— Ужас! Вот в океане рыба водится! Огромная! Я даже читал, одного рыбака такая рыбина два дня в лодке таскала! Чуть не утопила! У нас в реке такой нет. К сожалению. А то выловили бы! Прославились бы!

— Посмотрел бы я на тебя, — говорит мне мой товарищ, — как такая рыба тебя таскала по нашей реке в твоей лодке, вверх ногами! Со смеху бы рыбаки умерли!

Я обиделся.

— С кем не бывает!

— Со мной реже, чем с тобой. Ты, вон, мокрый, а я сухой! Есть такое понятие — рыбацкое счастье.

Мы насадили кусочек мяса на крючок и забросили. Не клюет. Сидим, философствуем.

— Перебрасывай! — учит Серега. — Удачу искать надо.

Я перебросил.

— Чувствую, нам сегодня подфартит! — говорит Серега. И как в воду глядел! Зашевелилась леска.

— Подсекай! — орет Серега, — удача сорвется!

Я подсек. Удача попалась, но лучше бы, мой дорогой друг, она прошла стороной. Леска натянулась струной.

— Дай я вытаскивать буду! — Сергей занял мое место. Спиннинг держит, катушку крутит. Но здесь, вы не поверите, как дернет, и моего друга с острова, словно ветром, сдуло. Я от удивления рот раскрыл, а Серега уже в воде орет, спиннинг двумя руками держит, ногами упирается.

— Караул! — орет. — Уйдет! — орет. — Помогите! — орет. — Тону! — орет. И еще много чего орет!

Я его за шиворот — хват! Нас двоих в воду тащит. Просто ужас, кошмар какой-то! Я за березку рукой. Береза гнется! Я ору. Сергей орет! А добыча не сдается! Леска руки режет, воду пенит! Тяжело. Тянем, а толку никакого! Мы уже уставать начали! На Сереге лица нет. Бледный.

— Кара....Кара...

— Чего?

— Ка — ра — ка — ди — Ла...а....а....а! Пой — ма — а....а....ли! — орет, и дальше, как по-заученному: слов никаких, один «мать-перемать!»

— Держись, Серега! — это я ору. — Что хоть поймали? — ору. — Какое такое счастье нам подвернулось! Ни с того ни с сего! Блин, сейчас помру, на фиг, от такого счастья!

— Не знаю! — Сергей орет и такие страшные глаза сделал, что мне совсем дурно стало.

Не сдается наш улов! Силища там неопишуемая! Будто трактором тащит. Мы его и так, и эдак. По-научному. Потянем — отпустим, потянем — отпустим! Кое-как на берег выбрались. Куда там! Опять нас в воду затащило! Плохо нам. Конец, можно сказать, подкрался незаметно! Руки устали, ноги устали, язык устал орать и материться. Слов не хватает. Охрипли. Бросить жаль! Не бросать и того хуже! Кто кого поймал, не понятно! Мы уже и сами не рады, что клюнуло. Отпустим леску — на берег вылезем, потянем леску — опять в воде оказываемся. Если там посильнее дернет — все. Потонем. Не выплывем. Уже много времени прошло с тех пор, как нам подфартило. Мы с ног от усталости валимся. Но и на том конце лески тоже уставать начали. Потихоньку, а идет.

— Подсачник тащи! — ору. — Не вытащим! Уйдёт!

— Сам тащи! — орет Серега.

Поддается. Ближе. Еще ближе. Закипела вода, волной на берег выплескивается.

— Что же это такое делается-то! — Серега катушку крутит и на меня страшными глазами смотрит, предсмертные рожи корчит.

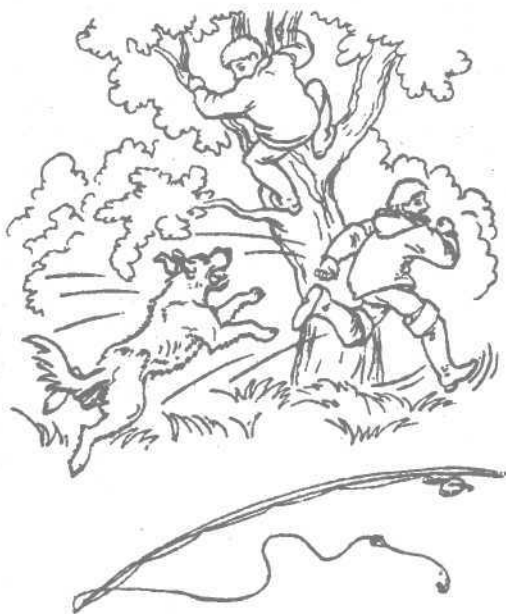
-Где же подсачник!

А нам уже и не до подсачника. К нам плывет. А что плывет? Кто плывет? Мы не знаем. И бежать-то некуда! Невелик остров. Несколько деревьев, и все. Ближе. Совсем близко! Вытащили!

Первый раз в жизни я чуть не умер со страху. Господи ты, Боже мой! Из воды, с ценой у рта, с глазами, как моих два кулака, с крючком во рту на нас выскочил огромный пес. Страх господний! Он, оказывается, мирно так дремал на другой стороне реки, пока мы ему прямо под нос не бросили нашу приманку. Перекинули, значит, впотымах-то через реку! Он, видать, и хотел только попробовать. Здесь Серега и сказал: — Подсекай!

Подсекли. Это я только потом понял, что с нами произошло. А в тот час, когда мы его вытащили, можно сказать, фортуна повернулась к нам задом. Она к нам не только повернулась задом, но, можно сказать, показала все, на что она способна. Мало того, что мы этого гада два часа с берега стягивали, через всю реку ошалелого перли. Он как только почувствовал твердую землю — озлобился. И так-то вида зверского, а по характеру — и того хуже.

В общем, эта сволочь нас по острову гоняла еще два часа. Мы удочки покидали и кто куда! Пес то Серегу куснет, то за мной припустится. Мы и на деревья лезли, и вниз падали, и отмахивались! Ничего не помогает! Намучились мы с таким рыбацким счастьем просто до смерти! Выдохлись. Наконец, когда терять было уже больше нечего, мы бросились в воду и, отмахав метров пятьдесят за одну минуту, выбрались на другую сторону реки. Но не тут-то было! Как ты понял, пес плавать тоже умел! Это сумасшествие закончилось только около дома. И чтобы ты, мой дорогой друг,

окончательно понял, что мы пережили, добавлю: после такого отдыха нас принудительно в травмпункт забрали. Сорок уколов в живот! Каждому! Соленого нельзя, острого нельзя, и самое главное, спиртного тоже нельзя. Лежу я сейчас на своей койке, потому что сидеть не могу, и пишу тебе это письмо. Вот ты меня в своем письме спрашиваешь: как у меня дела с рыбалкой? Я тебе так скажу, дорогой мой друг! Честно и откровенно. Пропади ты пропадом со своей рыбалкой! В гробу я видел твой активный отдых и незабываемые, до конца моих дней, впечатления! Мне ещё на уколы идти, а поэтому я и заканчиваю тебе писать это горькое письмо. Безо всякого уважения к твоим занятиям. Твой друг, самый несчастный рыбак на свете — Санька.

1983 г.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Любая охота, без сомнений и без исключений, начинается с застолья. В этот вечер в домик егеря набилось много народу. Среди охотников люди совершенно разных профессий и вариантов мышления. Не все из них много едят, не все из них много пьют. Но «по чуть-чуть» каждый! Завтра ответственный день: охота на копытных, и даже парнокопытных, и к тому же рогатых. Лицензии на лося и на кабана лежат на столе, как непрочитанная книга. Собачки лежат у кроватей хозяев, высматривают — не упадет ли к ним со стола случайная крошка хлеба, а лучше, если целый килограмм колбасы. За столом пять человек. Один из них егерь — здоровый мужик, лет шестидесяти с гаком. С бородой, прокуренными усами, в валенках. Другой, обрусевший украинец — маленький, толстенький и лысенький. Очень веселый человек. Он может веселиться до утра. Пока не упадет. Пьет и ест ровно столько, сколько весит сам, без ружья и собаки.

Третий — высокий, коренастый очкарик. В прошлом боксер, занимавший не последнее место на пьедестале победителей, возвышавшийся над кучей поверженных соперников со свернутыми челюстями. Он немногословен и суров. Посапывает через разбитый нос вдохи и выдохи, открывает пивные бутылки пальцами и стакан держит, как боксерскую перчатку — на вытянутой руке, крепко сжимая стакан в большой, просто гигантской ладони. С ним даже чокаться страшно. Четвертый — человек среднего роста, с большим лбом, густыми бровями и очень выразительными глазами. В них сейчас

уже ничего не осталось от трезвого образа жизни. Глаза рыскают по столу, по закуске, по бутылочкам, заглядывают в тарелки к соседу, будто ища место, где бы можно остановиться и вновь обрести покой, найдя своему телу потерянное равновесие. Точка опоры нашлась и совершенно не в том месте, где ее искали глаза. Помогли

упершийся в стол локоть и веером расставленные пальцы руки, на которых успокоилась колыхающаяся без дела голова с большим черепом. В таком черепе много ума. Хозяин черепа — в прошлом профессор, интеллигентный человек, и поэтому быстро пьянеет. Он не такой выносливый. У него нет такой закалки и таких способностей, как у обыкновенного слесаря. Слесарь как раз и был пятым в этой компании.

Не очень худенький, не очень толстенький, не высокий и не маленький. Средний, во всех измерениях и понятиях. Очень любит говорить тосты, пить на брудершафт, лазить пальцами в банку со шпротами, а когда банка опустеет (и слава богу, не раньше, что иногда случалось), гасить в ней бычки из вонючей, пахнущей клопами, выцветшей, фиг знает когда и фиг знает от какого солнца, красноватой пачки из-под сигарет «Ява».

Собак перечислять не будем. Все они гончие. По характерам и даже по внешности напоминающие чем-то своих хозяев. Собаки перед хозяевами имели только два преимущества. Они не пили так много и не храпели так громко. Чтобы нам как-то отличать охотников одного от другого, мы просто обязаны их как-то назвать.

Егеря зовут Алексеем Даниловичем. Украинца — Николаем, боксера — Севой, профессора — Романом Романовичем,

слесаря — Васей. Очень распространенное имя в обычных рабочих семьях. Послушаем, о чем говорят наши новые знакомые.

— Разве это охота! — пробасил егерь после выкинутой в мусорное ведро третьей бутылки водки. — Вот раньше была охота!

— Охота — это когда невтерпеж!

— У меня такое ружье! Такое ружье! — украинец Коля полез в рюкзак. — Вот какое!

Ружье было обыкновенным. Из такого и обрез сделать не жаль, все равно толку мало. Стволы были старыми, немного кривыми. Приклад пожеван собакой, обгажен мухами. Откуда зимой только мухи взялись!

— Это не ружье! — слово взял боксер Сева. — Вот это — ружье!

В его руках ружье казалось тростинкой. Такого ружья, действительно, ни у кого из присутствующих не было. Оно было пятизарядным, новым и красивым.

— Что толку от твоего ружья! — возмутился череп Романа Романовича. — Я с тобой сколько на охоту хожу? Всю жизнь! Ты еще ни разу не попал! Ни в кого! И вечно ты какой-нибудь феньтель выкинешь!

— Ну... бывает... Сейчас вот такое ружье. Обязательно попаду! — промычал боксер и насупился. Боксеры — неразговорчивые люди. Ему проще просто дать кому-нибудь в морду, и все! Без разговоров!

— Я вот охотился на севере... — Слесарь Вася считал охоту на севере самой лучшей охотой, самой добычливой. Конкурировал с северной охотой только магазин «Дары природы», куда иногда забегал слесарь Вася, чтобы как-то отчитаться перед женой за бесцельно потраченное время и деньги. — Так там такая охота! Такая!

— Ну и какая! Тоже мне расхвастался! — Егерь терпеть не мог тех, кто хвастался больше него.

— У нас там засидку на копытных называют «сидьба». Окопчик такой, под холмом, накрытый сверху тростником, корой, мусором разным. С бойницей. На вершине холма солонец для зверя. И косуля приходит, и лось, и кабан навдывается.

— А зачем на холме? — поинтересовался русский по паспорту, украинец по физиономии охотник Коля.

— Зверь приходит ночью. Его на фоне неба и луны видно очень хорошо!

— Подумаешь! — фыркнул боксер Сева.

— Сидеть в таком окопчике не очень удобно. Паут разный кусается.

— Кто кусается?

— Так местные называют овода.

-У...

— В одном из таких окопчиков медведь задрал охотника, когда тот уснул.

— Я этих медведей... — Егерь стукнул ребром ладони по столу. — Любого!

— Я раз на кабана ходил, — это взял слово профессор Роман Романович. — Подстрелили мы свинью. Здоровая! Мой один дружок решил дострелять и поскользнулся. Свинья на него пошла.

— Это дело серьезное! — Егерь и здесь влез в разговор, — Не порежет, как секач, а зубками погрызет!

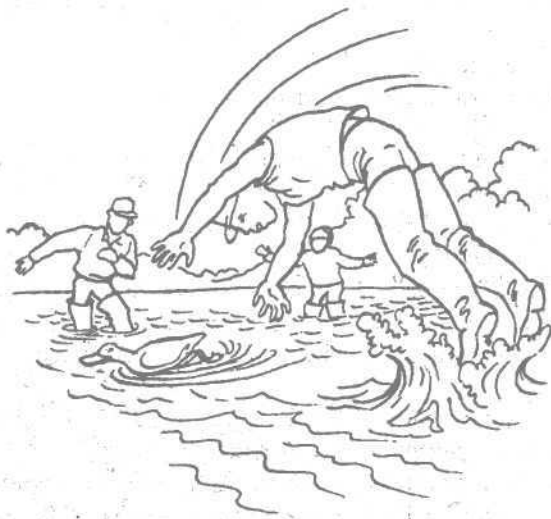
— Так вот, мой напарник от нее ногами отпихивался. В пяточок ее лягал. — Кыш! — говорит ей. — Кыш! Куда идешь? Куда идешь?

— Так вот мы столько лосей и косуль побили тогда, на севере-то! — Слесаря Васю сложно было сбить с рассказа. — На одном месте отстреляли — в другое садимся. Там у каждого своя сидьба. Были, конечно, среди местных и завистники. Придут, обломают ветку, и этого вполне хватает для того, чтобы зверь не подошел. Многие сидят в этой сидьбе, ружья в руках, пялятся глазами на солонец. Ожидают. Устают руки. А я делал хитро. Брал с собой веревочку. Ствол ружья — в бойницу, а приклад вешал на петельку. Ружье всегда нацелено и под рукой.

— Эта была интересная мысль. Настоящий охотник всегда должен иметь при себе спички, нож и веревочку. Пригодится!

— Веревка веревке рознь! — Егерь никому не уступал в байках. — Однажды у нас отвязалась подсадная утка. Вы знаете, улететь она не может, а вот плавает лихо. Не глубоко,

мелко, и вот мы втроем эту подсадную утку ловили. Кому охота платить за разгильдяйство? Мы ее и окружали, и руки растопыривали. Вырывается, и все. Один наш охотник решился на рискованный поступок. Решил быстро на утку прыгнуть.

— Прыгнул?

— Поймал?

— Нет. С головой! Под воду! Одна шляпа на воде плавала!

— Вот знаешь, за что я тебя уважаю? - слесарь Вася намекал на брудершафт. Он обращался к егерю. — К тебе как ни приедешь — все у тебя для охотников. И ночлег, и уют, и слово доброе найдется. Но уж если что и скажешь, развеселишь, просто сил нет! А к нам приедешь в общество, к нашему председателю! Попроси у него путевку! Знаешь, что услышишь? Какая охота! За грибами идите, и то толку будет больше! А я охотник, а не грибник. Грибник, конечно, но только не тогда, когда охота открылась. Неуважение! Издевательство! Беспредел!

— Роман Романович!

— Уснул.

— Может, и правда пора укладываться? Завтра вставать рано.

— Уже сегодня!

— Ну сегодня!

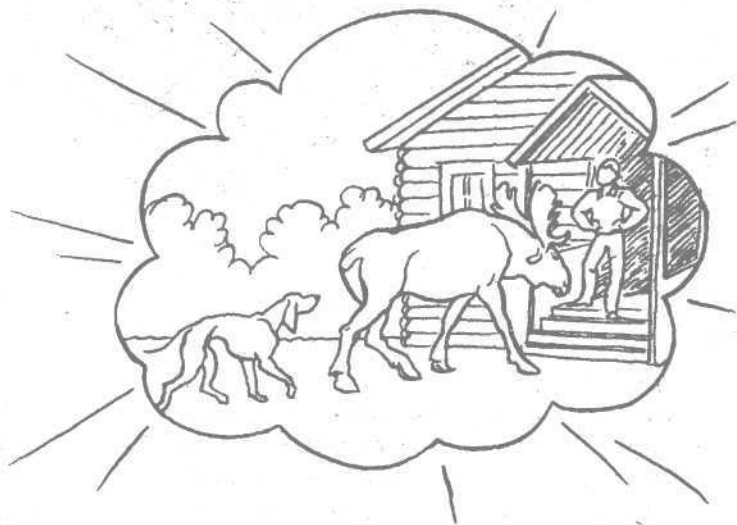
— Может, посидим еще! — украинец Коля обвел взглядом недоеденное. — Я про Украину расскажу. Сколько же там дичи! Птиц! Шум такой, как на аэродроме! Небо затмевают!

— Завтра расскажешь. Вон и собаки зевают вместе с Се-вой. На сегодня хватит разговоров.

— А про собак поговорить? Вот у одного охотника была такая собака, которую он не кормил, пока она ему прямо к крыльцу дома не пригонит лося.

— И пригоняла?

— Пригоняла. Жрать захочешь, еще и не то сделаешь.

— Ладно, пошли спать!

— Пошли!

Егерь встал из-за стола и медленно поплелся к топчану. По своим местам разбрелись и остальные. Что готовит утро? Для охотников это самый главный вопрос.

* * *

Собаки работали хорошо. В загон пошли егерь и боксер Сева. Он был выбран единогласно. Как уже говорил Алексей Данилович, от Севы на охоте мало толку. Лося нести — пожалуйста! По лесу ходить, деревья ломать — пожалуйста, а вот стрелок... Нет, пусть уж лучше в загоне!

Большие диоптрии Севы запотели от быстрого шага. Снегу было много. Даже с его большим ростом сугробы доходили ему до колена. Егерь еле успевал за слеповатым, но по-прежнему сильным и выносливым спортсменом. Гнать зверя надо было на стрелков. Они располо-

жились веером, в километре от места, где, по предположению, егеря, залег кабан. Егерь пользовался лыжами. Размер ступни у боксера Севы только примерно соответствовал размеру лыж, но и это Севу устраивало. Он однажды ходил на лыжах. Мало того, что он целых тридцать минут не мог выбраться из кустов, в которые заехал, мало того, что лыжи его совсем не слушались, разъезжаясь в разные сто-

роны, забивались снегом и скользили — одна лыжа от другой, кто куда поедет, они просто под статным спортсменом прогибались, проваливались, мешали ему, мучили и раздражали. В конце концов, он их просто сломал. Наступил, и они не выдержали. Треснули и сложились — пополам.

— Ну их к чертовой матери! — так очень просто объяснил Сева этот факт. — Мешаются только! Это не мой вид спорта!

Егерь ругал про себя Севу:

— Ломится, как лось по лесу! Ведь сказал же — держи линию, чтобы кабан не мог найти лазейку! Так нет же! Прет, как танк, и все ему по барабану! И не кричит! Только по деревьям кулаком бьет! Треск стоит, как от стада мамонтов. Сева есть Сева.

На жизненном веку у егеря было много бестолковых охотников. Были и такие, которые, вопреки всем правилам охоты, сходили с номеров и платили за это прострелянными частями тела. Сева никогда не сходил с номера, но мог запросто стрельнуть по рассеянности вдоль линии, мог вместо пули зарядить ружье картечью, мог и по вальдшнепу, разумеется, выпивши, стрельнуть пулей. Сева мог все, и все ему сходило с рук. Этот великан и силач был наивным и рассеянным, как младенец. Вечно замкнут в своих мыслях. Очки огромные! Зрение от усердных занятия спортом страдает в первую очередь. Не дай Бог, примет его за кабана, и тогда поминай, как звали! Лучше лишний раз крикнуть, предупредить о том, что он рядом. И егерь кричал. Усердно. Он кричал не для кабана, ну его, кабан - зверь разумный. Егерь кричал для Севы. От него всего ждать можно. Сила есть... и это надолго! Одна надежда на собак. Да и те! Собака Севы, рыжая гончая Магда, вся в хозяина! Такая же бестолковая! Со следа сбивается, других собак путает. Может и за зайцем пойти, а то и просто домой уйдет. Надоест лапы сбивать и решит, что в тепле ей лучше, чем в лесу. Не любит большого снега. Иногда просто ленился. Плетется за своим очкариком, след в след идет, так и ей легче. Послал Бог охотничков! Эй! Эй! Эй!

Прошло больше получаса. Наконец в буреломе, куда сунули нос собаки, раздался хруст, и темная тень бросилась наутек в направлении расставленных стрелков.

— Наконец-то! Эй! Эй! Бежит! Бежит! Эй!

Егерь припустился вслед.

— Почему же не стреляют! Пора уже! Давно пора! Стреляйте! Сева! Сева! Отзывай собак! Упустили охотники секача!

Егерь вышел на стрелковую линию.

Украинец Коля стоял около дерева. Он снял шапку, растегнул телогрейку. Не охотничий видок! Как после бани! Коля был растерян.

— Ну что! Почему не стрелял? На тебя же вышел! Я след видел! — заворчал егерь. — Прозевал?

— Никто на меня не выходил! — огрызнулся Коля. — Ну где твой кабан? Где кабан-то? — Коля развел руками. В руке у него было ружье. — И где твой кабан? Нету!

И здесь в соседнем кусте, почти рядом с Колей, раздался страшный треск. Кабан, наверное, затаивался там до поры до времени, ожидая подходящего момента, чтобы сбежать.

Секач бросился на Колю. Тот остолбенел. Кабан не был националистом и не имел ничего против украинцев, и поэтому его клыкастая морда пронеслась всего в нескольких сантиметрах от Коли. Но этого вполне хватило, чтобы он надел своей сильной головой, наглым пяточком, случайно, конечно, себе на шею ремень от Колиного ружья и с ружьем унесся прочь. Окаменевший Коля только раскрывал рот, разводил руками, не произнося ни слова, ни звука, а только хлопая вылезавшими из орбит глазами, как бестолковая пластмассовая кукла.

— Твою богу душу мать-то! — ругнулся егерь. — Ни ружья, ни кабана! Это надо же! Хуже Севы! Лопух! Горехотник! Чем теперь охотиться будешь? Пальцем? Нет, у меня просто слов нет! Вы полюбуйтесь на этого охотника! Вы только посмотрите!

На шум подошли другие охотники. Рассказ егеря их удивил. Они шумно обсуждали произошедшее.

— Молодец кабан! — говорил один.

— Вот, Коля, простофиля! — говорил другой.

— На меня ворчали... — бубнил третий.

— Что теперь делать будем? — недоумевал четвертый.

— На лося пойдем — принял решение егерь. — Колю теперь только в загон! С собаками! Без ружья — не охотник!

— А меня куда? — Сева ждал решения старшего команды. Со старшим не спорят, ему не противоречат, уважают, даже если думают другое.

— На номер встанешь! Нам теперь стрелки нужны. Только, блин, я тебя умоляю, без фокусов! Понял? С номера не сходить, вдоль цела не стрелять, и стрелять только тогда, когда уверен, что то, по чему ты стреляешь, действительно лось. Не я, а я опять пойду в загон, не Коля и не собака. Понял?

— Угу...

— Ну раз понял... Пошли на другое место!

— Пошли!

— Пошли!

Охотники углубились в лес. Они еще очень долго месили снег ногами и лыжами, пока не вышли к намеченному месту.

— Так. Сейчас я покажу, где каждый из вас будет стоять. — Ты, — егерь показал на слесаря Васю, — встанешь вот здесь. Около этого дерева. Расчисти снег, чтобы удобнее было стоять и ничего под ногами не хрустнуло. Замри и не вертись. Место здесь хорошее.

— Пошли дальше! — обратился егерь к охотникам. — Я вас всех расставлю по своим местам.

— Александр Данилович! Можно вас на одну минуту! — профессор Роман Романович отозвал егеря в сторону.

— Александр Данилович! — зашептала умная голова. — Ты Севу в такое место поставь, чтобы он нам не мешал. Дров наломает!

— Сам знаю. А где ты предлагаешь?

— Да вон, хоть на краю поля. Там в жизнь никто не пробежит. Лось же, он не Сева, через чистое поле не попрется!

— Я так и хотел! - согласился егерь. Поставлю. А это ваше место. — Егерь указал профессору на старую сосну. Место тоже очень хорошее. Смотри внимательно!

— Обязательно.

— Пошли дальше. Теперь, Сева, твой черед. Видишь конец леса и поле?

— Вижу.

— Вот там и встанешь.

— Угу...

— Смотри у меня! Не перестреляй соседей.

- Угу...

— Угу, угу... Не сорви нам охоту!

— Да как можно.

— У тебя все можно. Очки протри, не шевелись, не кашляй на номере, не кури, и умоляю тебя, песни петь не надо и плясать тоже. А то я знаю тебя. Понял?

— Угу...

— Тьфу ты неладное! Заладил. Ну, пошел я.

— Иди.

— Пока!

— Пока.

Егерь с Колей стал обходить обложенный участок леса. Входной след лося четко просматривался на только что выпавшем снеге. След был свежим, глубоким. Большой лось прошел. Настоящий сохатый. С верхушки куста обрушилась пушистая шапка снега. Бывает иногда, идешь по лесу зимой и видишь на снегу следы, как будто зверек какой-то наследил. Разбираешься в следах, мучаешься в Догадках, а после, когда все возможные варианты исчерпаны, понимаешь, что ты круглый идиот.

Это след от упавшего на землю с верхушек деревьев снега. И такие следы бывают причудливыми, замысловатыми, захочешь придумать, нарисовать — нарочно ни за что не рисуешь. Кудесница природа, волшебница, настоящая чародейка. Любоваться бы ею всю жизнь и наслаждаться. Больше ничего не надо!

Коля вел собак на поводе, иногда циркая на них, успокаивая. До поры до времени собаки должны вести себя тихо.

Успеют еще наораться. Сейчас главное — раньше времени не вспугнуть зверя. Уйдет он — тогда столько сил надо, чтобы обложить снова. Телогрейка вспотела, под телогрейкой жар, он парит, почти обжигает шею, глаза. Пот слепит. Егерь вытирает шею платком. На мокром платке темные следы вчерашнего костра и твердая желтая пыль. Это от коры деревьев. Несколько иголок ели колются, попадая за шиворот.

— Так, Николай. Спускай собак. Мы на месте. Ты иди от меня в сторонке, вон от того дерева, и прислушивайся к моему крику. Не лезь наперед бабки в пекло! Так, кажется, у вас говорят?

— Так, Алексей Данилович!

— Ну и вперед! Вечереет! Второй загон уже сделать не удастся.

— Понял.

— Ну с богом! Эй! Эй! Эй! Пошли!

Собаки, опустив морды к снегу, а некоторые гончие нюхая воздух, зарыскали по насту. Их веселый и азартный лай разносился со всех сторон. В завалах, крепях, под сваленными деревьями. Этот лай отзывался эхом, и от этого казалось, что собак больше. Ими заполнился весь лес. Все небо громыхало и подвизгивало. Если собаки перешли на визг, значит, след лося они взяли. Егерь прибавил шаг. Прибавил шаг и Николай. То там, то здесь разносился его бодрый возглас:

— Хоп! Хоп! Хоп!

— Эй! Эй! Эй! — передразнивал егерь Николая. — Хорошо дело пошло. Теперь бы не упустить.

— Эй! Эй! Эй!

Вот лосиные следы. Нашли его гончие. Лось ломанулся в сторону стрелков.

— Уже скоро! Эй! Эй! Эй! Давай, Николай! Поднажми! Эй! Эй!

Неожиданно раздался выстрел, другой, третий! И, наконец, четвертый! Егерь остановился как вкопанный.

— Не может быть! Четыре выстрела сразу! Пятизарядка только у Севы?! Неужели на него лось вышел! А попал ли! Вот в чем вопрос?

Неожиданно раздался пятый, последний выстрел. Егеря почти парализовало.

— Контрольный выстрел, что ли, сделал? — недоумевал он.

Неожиданно в голову к егерю пришла страшная мысль: Сева по лосю не попал и застрелился! От такой мысли егерю стало дурно. Он почти поседел.

— Зайца, небось, подстрелил Сева! — успокаивал себя егерь. — Точно; зайца! Куда ему на лося! Лось туда и не побежит!

Оставшееся до стрелков расстояние егеря почти пробежал. Вот и Сева.

— Сева! Сева! — егерь замахал руками. Он перешёл на шаг, чтобы его волнение не было заметно. — Показывай своего зайца! Всю охоту нам испортил опять! Да?

— Ничего я не испортил! — возмутился Сева. — Вон лось лежит.

Егеря молча пошел в сторону, указанную Севой. Действительно, на снегу лежал лось. Вокруг него вились собаки. Они лаяли, но рвать не решались. Подошли другие охотники.

— Сева?

— Сева.

— Не может быть!

— Точно. Его же участок.

Охотники осмотрели лося.

— Что-то тут не так! — поразился егерь. — Лось лежит, а ран на нем нет. Ни входных отверстий, ни выходных. Сева, ты чем его? Кулаком, что-ли, по морде? Нокаут?

Сева насупился.

— Почему по морде кулаком? Стрелял же! Вы же слышали!

— Ну нет ран, и все! — егерь еще раз осмотрел лося. Он заглянул ему в морду, под бок, на котором лось лежал, и даже заглянул под хвост. Мож, Сева туда стрелял!

Охотники прыснули от смеха.

— Ну, Сева, удружил! Ты как всунул ему ствол ружья и выстрелил?

— Или он сам тебе подставил?

— Что хотите со мной, то и делайте! — махнул на лося рукой егерь. — Нет на лосе повреждений! И все.

— Может быть, лось от инфаркта скончался? — предположил умный череп Романа Романовича. — А что? Такое иногда встречается!

— Увидел Севу и сдох!

— А выстрелы?

— Это Сева его кончину проводил последними выстрелами. Сева, признавайся, как было дело?

— Да идите вы все, знаете куда!

Сева плюнул на землю, и не оглядываясь, пошел прочь. Вскоре лес скрыл его большой силуэт.

— Куда он?

— Домой. Куда еще он может пойти!

— Найдет дорогу?

— Найдет.

— Надо лося разделывать и тащить. Принимайтесь, ребята, за работу. Вскрытие покажет, кто прав, а кто нет.

Вскрытие ничего не показало. Лось был цел и невредим. Со стороны казалось, что причиной смерти лося было само вскрытие. Егерь развел руками:

- Чудеса, да и только! Не может такого быть!

Через некоторое время выяснилась настоящая причина смерти лося. Она, как всегда, была тесно связана с рассеянностью Севы. По лосю он стрелял не пулей, а картечью. Первые четыре выстрела, как и ожидали охотники, миновали лося. В молоко. Последний выстрел, пятый, уже тоже должен был не причинить лосю никакого вреда, но одна-единственная картечина угодила лосю в зуб, разбила его и, отрикошетив, точно попала в мозг. Это и стало причиной почти моментальной смерти лося. Что же? На охоте и такое случается?

ЗВЕРИНЫЙ БОГ

Весна в этом году выдалась плохой. Поздней. На улице в разгаре месяц март, а снегу навалило! Такого и зимой-то не было. Холод нешуточный, метели, пурга, ветер. Снежинки, что разбуженный рой озлобленных ос. Бьют в лицо, кусают. Одна надежда — на солнце, но и оно какое-то ленивое, холодное. Бывает такое! Как начало охоты, так погода, хоть волком вой. Выходить на улицу не хочется. Может случиться, что поздняя весна плавно и нежно перейдет в раннюю осень. Зальют дожди, замучает холодный ветер. Нельзя надеяться на милость природы! Нельзя!

Так решил Федор Гроздин, размышляя, куда ему ехать на охоту. — Поеду в Читинскую область. Там, по крайней мере, все ясно. Пусть холодно, но все же знакомый егерь, уговорю на оленя, посидим, поокаем! Изюбра подстрелю, мясо. Все не даром время проведем! С другом поеду. Хрен с ним! Возьму!

У Федора был друг. Парень лет тридцати. Пухленький такой, килограммов на сто, если не больше, и это при среднем-то росте! Его и в детстве дразнили соответственно — «центнером». Одним словом, «пончик» на маленьких кривых ножках. Звали его Толиком. Чтобы поподробнее описать его внешность, мне потребуется набор таких слов, чтобы перед вашим воображением сразу возник человек, чьи черты лица четко подчеркивали добрый, наивный и, прямо скажем, милый, очаровательный, совсем бесконфликтный характер их обладателя. Ягненок божий! Маленький, кругленький, розовенький ангелочек. Животик — арбузиком, щечки — ватрушками,

губки — бантиком, носик — клювиком. Голосочек нежный, женский, почти младенческий. Любимыми выражениями Толика были такие слова, как «приветик!» и «дайте пожрать!». Если ему что-то очень хотелось, то он просто спрашивал: «Можно ли ЭТО скушать?» И совсем не делая паузы, не дождавшись ответа, говорил: «Спасибо» и все молниеносно запихивал большими пухленькими пальцами себе в рот, очаровательно при этом чавкая и смущаясь. Это был очень хороший человек.

Федор Гроздин был полной противоположностью «пончику». Сорока лет от роду. Крепкий, небритый и нестриженный мужичок. Высокий, худощавый, даже дохлый, наверняка недоношенный и, вероятнее всего, недокормленный, а от этого очень всегда и на всех злой. Как собака. Малоразговорчивый, нелюдимый, замкнутый, можно даже сказать, тихий (пока трезвый), но иногда, а это бывало, как правило, в сложных ситуациях и за застольем, в нем просыпался деспот, неуправляемо дерзкий, грубый и нахрапистый. Матершинником был Федор, и таким, что, прости Господи, нигде ничего подобного не услышишь. Конечно, всем нравился Толик, несмотря даже на значительные продуктовые потери, которые он наносил, а к Федору относились настороженно почти всегда — как к mine замедленного действия: «В тихом омуте черти водятся!» А уж если разойдется! Поэтому лучше держаться от такого подальше! Так думали про Федора все, кто хотя бы один раз с ним встречался. Обособленность Федора, однако, не мешала ему (и только ему) прекрасно проводить время в веселой компании за любимым стаканчиком водочки, где он мог на других посмотреть и, что самое главное, себя показать, как бы мстя всем окружающим за свою чрезмерную нелюдимость, демонстрируя «зубки» и вопиющий гонор. А если еще соседка в гости придет! Седина в бороду, бес в ребро! Это тоже про Федора. «Пончик» и «злодей» дружили. Как эти два совершенно разных человека уживались, одному только Богу известно.

Как бы там ни было, Федор и Толик оказались вместе в низенькой ветхой избушке егеря Ивана Поликарпыча Семина. Они (дом и его хозяин) вместе доживали свой век у подножия такой же старой и дряхлой сопки. С сопки сыпались

камни, из избушки — труха, из старого егеря, седого старожилы природы и ее обитателей, — «опилки». Стар был егерь. Но заменить его было некем. Не было желающих ехать «к черту на кулички», жить на копейки, работать за «спасибо», питаться тем, что Бог подаст, или тем, что подстрелишь. Город далеко. Не наездишься! Добровольная ссылка по душе была только деду. Привык. Вся жизнь прошла здесь. Отпустив случайный попутный транспорт, Федор и Толик прошли в дом.

— Приветик! — пропищал один из вошедших.

— Здравствуй, Поликарпыч! — прорычал другой. — Давно не виделись!

— Давненько!

Кряхтя, дед слез с печи.

— На охоту пожаловали? Не по душе вам городские магноуны?

— Не по душе, дед! Не по душе!

— Ну тогда входи, если не по душе! Чем богаты, тем и рады!

— Мы и свое привезли!

— Покушаем и «свое»! Давно я уже не едал вашего, городского! Хотя бы вспомню!

Дед сел за длинный стол, на грубо сколоченную лавку. Гости уселись рядом.

— Охота-то как, Поликарпыч? — поинтересовался Федор.

— А, шо с ней станет! — неохотно откликнулся дед. — Бегают, летают! Иди, охоться! Топчи ноги, если не жаль. У вас в городе от того, что живете со всем необходимым рядом, на всем готовеньком, вы все мхом покрылись. Физическими дистрофиками стали. Но на твоём месте я бы в этот раз дома остался. Весной зверя жалеть надо.

— В какие времена выбрались!

— Птичек постреляете!

— Ну уж прям и так?

— А как иначе? Только так! На все свои желания хорошо бы еще и разум иметь!

— Учтем!

Гости развернули свои поклажи и стали выкладывать на стол все то, что смогли привезти. Дед исчез в погребу,

побывал в сених и через некоторое время появился около стола, расставляя вареную картошку, соленые огурцы, мед и литровую бутылку самогона. Сам гнал. Как же без этого? Без этого никак нельзя! Пропадешь среди зверья всякого да на морозе! Вскоре за столом зазвякали стаканчики, заскрежетали зубки, заскрипели ножи и вилки, и все это, словно густым туманом, окуталось неудержимым сладострастным чавканьем. Гости ели все подряд и без разбора. Привыкли так. Дед брал крепкими пальцами кусочек городской пищи, рассматривал и, не спеша, отправлял в рот. Медленно разжевывал, как бы дегустируя и оценивая продукт цивилизации на пригодность. Не забывал пропустить и по стаканчику. Все было бы хорошо, да вскоре хмель ударил в седую бороду деда, задел за живое, вывернул наболевшие мысли на изнанку.

— Это колбаса?

— Колбаса.

— А где мясо?

— Черт его знает!

— Хм. И вы это едите?

— Едим.

— Ну и козлы... А это тушенка?

— Тушенка.

— Тушенка!?

— Да, тушенка! Тушенка!

— А мясо где?

— Отстань, дед! Ты что нам претензии высказываешь? Не мы же ее делаем!

— Да... Хреновато вы живете, ребята! От такой еды вы скоро ноги протянете. Слыхивал я, что в вашем городе совсем стало худо.

— Что худо-то?

— Все худо. Химия одна. Подделка. А среди людей что делается? Какие-то меньшинства бастуют! По радиу передавали! Большевиков помню, даже меньшевиков помню, а вот чтобы меньшинства.... До чего дожили! — Дед даже кулаком по столу ударил. — Баба с бабой, мужик с мужиком! Детей что, у цыган воровать будете? Кто Россию из дерьма поднимать будет? Я? На старости лет?

— Ты чего разошелся? Мы-то тут при чем?

— Каждый из вас при чем! Каждый! Пропили Россию, недоглядели! А то и промолчали! Сначала — это жрете! Вот! — дед свертком колбасы шлепнул по консервной банке. — Отрава! Инфекция! Говно, одним словом! Что на себя вам наплевать, это понятно! Сопляки! Живность ни во что не ставите, не жалуете! А потом на соседа, на ближнего своего как на человека смотреть перестанете. А завтра... завтра...

— Успокойся, Поликарпыч! Какая муха тебя укусила?

— Ты мне рот не затыкай! — дед разошелся не на шутку. — Молод еще! Бери ружье и вали на охоту, коли приехал и невтерпеж. Но запомни мои слова — только птичек! А харчи свои убери! Смотреть противно!

Дед встал из-за стола и, пыхтя, полез на печь. Там он еще продолжал раздраженно ворчать и глубоко вздыхать. Занавеска, что прикрывала деда, колыхалась в такт дедову дыханию. Дед бормотал: «Мать, Пресвятая Богородица, прости грешных. Не ведают они, что творят!»

— Чего это он? — встревоженно спросил Пончик. — Дикий какой-то!

— Выпил лишнего, вот и бормочет!

— Я думал, только ты у нас один такой буйный!

— А за дикого... — дедов голос раздался с печки, — еще ответите! Сниму штаны и надеру жопу. Если мало будет, вон — у меня на стене берданка! Пульну солью! Попрыгаете тогда у меня!

— Ладно тебе, Поликарпыч! Не хочешь есть, не ешь! Завтра, может быть, мясо принесем! Настоящего! Ты скажи, где лучше ждать зверя?

— Забыл, что ли? Я же сказал: только дичь, и все! Памяти не стало!

И сам себе дед ответил:

— А с чего ей быть, памяти-то... от жратвы такой? Крови нет, моча не греет! С витаминами плохо, мозги куриные, вот и думать нечем!

— Ты успокоишься или нет? Поликарпыч, побойся Бога! Мы к тебе со всей душой! Как к родственнику, можно сказать! А ты ругаешься!

— Да, обидно мне! - голос деда стал плаксивым. — Городские люди, образованные, грамотные, ракеты пускаете, а обыкновенных слов не понимаете! Уже не говоря о том, что человека вы в своем городе проморгали! Утопили, можно сказать, человека в его, собственных испражнениях! Идете на поводу своих низменных стремлений. И вы все такие! А если город живет безобразно, можно сказать, гордость наша, то что тогда о деревне говорить? Как жить дальше? Посмотрели бы ваши матери., отцы и деды на то, что вы вытворяете! Позор! Тьфу! — дед плюнул на пол из-за занавески.

— Чего плюешься? Убирать-то кто будет?

— Не твоя печаль! Мой пол, что хочу, то и делаю. Это мой дом, и в нем мой порядок! Поняли? Мой! И все начинается вот с этой вашей хреновой тушенки! Вот вы город считаете своим, а порядка в нем навести не можете! Какие же вы граждане! Вы не граждане! Вы рекруты! Постояльцы! Каторжники! Иждивенцы! Временщики! И на природе себя так же ведете! Креста на вас нет!

— Вот пристал-то! — Пончик сокрушенно посмотрел на Федора. — Заело у него, что ли?

— Ну скажи, дед, где зверя ждать?

— Не скажу. Не трогай, Федор, изюбра. Не время сейчас копытных бить.

— Будь человеком! Мясо принесем.

— Не скажу. Не надо мне твоего мяса.

Федор решил схитрить:

— Ну мы хотя бы посмотрим.

Дед из-за занавески показал гостям фигу.

— Не скажу.

— Ну скажи...

— На старом месте. Пропади ты пропадом!

— Это где?

— В Караганде!

— Я серьезно. Скажи! Не развалишься же!

— День пути, — проворчал дед с печки. — У двух сопков. Там еще одна сопка на гриву коня похожа. Переночуете под этой сопкой, ветра меньше. Тропа там звериная. Но я тебя, Федор, предупредил. Отомстит тебе звериный бог.

У них тоже свой заступник имеется. На него надеюсь, только поэтому тебе и сказал.

- Спасибо, Поликарпыч! А с звериным богом я сам договорюсь.

- Плевать я хотел на твое спасибо! Хочешь, еще раз плюну?

- Не-е... не надо!

- Вот то-то же! Иди! Может, так дойдет до вас что-то! Звериный бог, он жить всякого научит. Совсем избаловались. Вас, городских, пока головой в дерьмо не сунешь, вы ничего не поймете.

- Успокойся, успокойся! Может быть, наладится все!

- Не наладится! Не наладится! — дед сел на печь, свесив ноги. — Все изменилось в этой жизни. Вот ты скажи мне, городской человек, коли ты такой умный. Вот живет человек в деревне. Дрова колет, до ветра бегаёт, кур держит... Ну, человек человеком! Здрате, до свидания, спасибо! Все чин чинарем! Как в город уедет, будто меняется в нем что-то! Это не так! Это не так! Вроде как подменили человека! Нос задирает! Морду воротит от того, с чем с детства бегал! Все плохо! Дорогу размыло — плохо! Обоев на стенах нет — тоже плохо! Вода холодная, и это плохо! Иконы! И те! Уже оценивает на предмет стоимости в ломбарде! Вот ты мне и скажи, мил человек, зачем он, этот ваш город, нужен, когда он в сердце человеческом одну только злобу воспитывает! Зависть! Недоверие! Неуважение! Зачем он нужен? Не для этого мы вас растили, ночи не спали, враги били, все терпели. Для чего, скажи, все это?

- Ну и для чего? Для того, чтобы вы счастливыми были! Вот для чего! А вы? В ваших клоповниках позакрывались, друг на друга волком смотрите, все считаете, чтобы

не обманули да не обокрали! И это вы называете счастьем, благополучием? Ты вот на кладбище к матери когда последний раз ездил?

— Вот то-то же! Все некогда! Времени нет! На мать-то родную! Слово ей сказать ласковое! Душу ее успокоить! Она тебе всю жизнь, все здоровье, свое счастье... — дед слезу пустил. — Иудами вы все стали, забыли, что в жизни главное, а что ненужное. Я не сходил один месяц, радикулит скрутил. Все крапивой заросло. Пришел. Поклонился в пояс. — Прости, говорю, матушка родная, сына своего непутевого! Не по своей воле! Спина подвела! И вот этими руками, голыми, крапиву! Больно! Кусается крапива, руки волдырями покрылись. А я дергаю и приговариваю: Так тебе и надо, так тебе и надо! Чтобы умней был в следующий раз, чтобы с понятием! — дед завыл пуше прежнего, пустив вторую слезу, третью, четвертую. — Мать твоя... Моя... в сырой земле, а ты в городе! Или на охоте! Христопродавец! Стрелок хренов! Нет, чтобы вместо своей прихоти наведать, проведать, помянуть! Мать-то родную! Она тебе... Она тебе...

— Все, дед! — Федор от дедовых речей даже поседел. — Не могу я больше этого слышать. Спи, давай. Уйдем мы завтра на охоту! К черту! Чтобы глаза твои не мозолить.

— Дуйте... дуйте... Может, пронесет вас к завтрашнему от вашей жратвы! В сортире охотиться, будете! Матушку свою забыл! На тушенку променял! Она для тебя... Она...

— Спи, дед! Поняли мы все!

— Может, сегодня пойдем, — предложил Пончик, косясь на восседавшего на печи, как петух на насесте, деда. Тот тер пьяные глаза выцветшей занавеской, причитая и вспоминая уже свою бабушку.

— Не нравится он мне что-то! Косо смотрит!

Здесь прорвало и Федора.

— Так, — ребро ладони руки Федора строго легло на край стола. — Дед в чем-то прав. Упустили мы многое. Винаваты. Каемся. Урок нам и на будущее, наука. Понимаем. Постараемся исправиться. А вот ты... Домашний потрох, что ты вообще понимаешь в жизни?

— Начинается... — Пончик поежился. Знал он, куда Федора может привести разговор, если его вовремя не успокоить. Вzbеленится, раззадорится, не остановишь. Пончик пожалел, что вообще согласился поехать на охоту.

- Понимаю, понимаю...

Пончик замотал головой.

— Не понимаешь! Для тебя что самое главное?

Пончик пожал плечами:

— Все главное...

— Не все! У тебя только два интереса в жизни.. Кого-нибудь съесть или кого-нибудь оттрах... — Федор покосился на деда. — В общем, ты понял!

-Ну

— Что ну?

— Ты даже стрелять можешь только в ...

Федор опять покосился на деда. Дед уже на печи не сидел. Его голые пятки торчали из-за занавески и вздрагивали от храпа.

— Понял где?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что пошли тоже спать!

— Фу... — Пончик облегченно вздохнул. Пронесло. На сегодня.

— Завтра продолжим разговор... Фёдор заковылял к своей койке. — Дед мне все нервы измотал. Но он прав... прав... прав...

Федор уснул почти мгновенно. Пончик долго ворочался. Он никак не мог понять, чем он провинился и что надо придумать такое, чтобы отвести от себя нависшую грозу.

Утром дед был мрачен. Он махнул рукой на «доброе утро!» и повернулся к гостям спиной, когда те сказали ему «до свидания».

Забросив поспешно ружья за спины, охотники удалились в лес. Пончик, прежде чем пометить кустик утренним избытком, оглянулся: не подсматривает ли за ним дед? Ему всю ночь снился Поликарпыч, стоящий над его постелью с поднятым вверх, в назидание, пальцем и бубнившим ему на ухо,

что храпеть громко безнравственно и кощунственно. Пончик не мог не храпеть и поэтому не спал всю ночь. Ружье, как никогда, показалось ему очень тяжелым. Тяжелее обычного показался и рюкзак. Утренний ветерок делал морозец еще колючее. Ветер кусался, обжигал незащищенные участки тела. Федору казалось, что это вчерашняя дедова крапива. Прав был дед! Давно Федор не был у матери на могилке. Федора раздражало все. Эти сопки, поросшие небольшими сосенками и багульником, идя по которым надо было всё время смотреть под ноги. Заезаешься — споткнешься о камень, полетишь кубарем, скатишься, извозишься, поцарапаешься, а то и ружье сломаешь. Его раздражал и Пончик, пыхтящий, как паровоз, сзади. Его раздражал пот, которым обливался его напарник. Ему не нравилось, как тот ворчал и тяжело дышал от тяжелой ходьбы, почти как это делают бабы на последнем месяце беременности. Как тот ловил раскрытым ртом кислород, сопел, кряхтел и причитал своим женским голосом, выражая свою усталость и недовольство у подножия каждой новой сопки, скрипя на все лады, как старая, несмазанная телега. Сопки, действительно, были тяжелыми. Поднимаясь по ним, охотники напрягали ноги в коленях, а иногда помогали себе руками, хватаясь за растущие поблизости кусты и траву. Спускались с сопки еще осторожнее. На прямых ногах не спускались. Невелика опора! Небольшой снежок сделал камни скользкими, непредсказуемыми. Даже изуродованная копытами, протоптанная зверьем тропинка была словно полита маслом. Прошлогодня листва и хвоя, пробивавшиеся то там, то здесь из-под снега, частично сгнила, а от этого походила на разбросанную, куда ни наступишь, банановую кожуру. Один неловкий шаг и ... уже на пятой точке, вверх ногами! Сопки встречались неровные. Разрезанные оврагами, испохабленные ямами, вспаханные оползнями, растатуированные мелкими, начинающими оттаивать ручьями с язвами грязных заболоченных луж. Все это только раздражало и мешало двигаться. Да и морозец не переставал действовать на нервы. Нетолстым льдом он заволок наполненные водой низины. Не поймешь, что такая лужа, что волчья яма! Наступишь — и уже мокрый! А ночью мороз сильнее ударит! Ему нет дела,

что на календаре весна! Браконьерство, конечно, — стрелять зверя в это время! Но они и не собирались обижать самок! Подстрелят одного самца изюбра — и домой! Кто узнает? Самцов много! Один может оприходовать несколько! Изюбр — зверь неопасный. Что он с ними может сделать? Парнокопытный, он и есть парнокопытный. С рогами. Но это уже его личное дело!

С размышлениями и с тихой руганью охотники дошли до места. Оно было как раз то, о котором говорил дед. Впереди две сопки, а слева еще одна, похожая на гриву лошади. Вот оттуда и надо ждать изюбра. Любят они возвышенности. Далеко видно. Охотники приметили невдалеке от тропы относительно сухую яму. В ней и сделали что-то наподобие окопчика. Расположились, постелили ельник, притихли. Ждать пришлось долго. Настолько долго, что спины и ноги без движения заныли. Затекли, замерзли. Федор привык стойко переносить все тяготы охотничьих будней. Что же касается Пончика, тот, казалось, очень скоро не выдержит. Плюнет на все и уйдет! Ладно, если, уйдет. Вспугнет зверя! Столько мук, и все напрасно!

— И зачем я его только взял! — сокрушался Федор, — Сидел бы он дома! Проку было бы больше! Обманывал Федор. самого себя. Пончик был ему нужен. Он был тем хилым свидетелем, тем капризным наблюдателем, перед которым любой шаг Федора, его несгибаемость, сила воли, твердость характера, крепкое слово на такой изматывающей охоте становились почти подвигом, героизмом, на который Пончик не был способен. Самолюбие Федора ликовало. Федор, конечно же, и сам продрог, устал неимоверно, но не сдавался, понимая и даже радуясь тому, что ноющему сейчас Пончику еще тяжелее. От этого на душе у Федора становилось теплее. Ему даже казалось, что и морозец перестал мучить его заочеченные руки и ноги. Характер все же должен быть сильнее прихотей природы. И Федор упрямо продолжал поджидать зверя. Прошло еще некоторое время. Нельзя сказать точно, сколько. Время тянулось, когда охотники замирали от какого-нибудь неожиданного шума и напряженно ждали, когда этот шум станет отчетливее, ощутимее, материализовавшись

в широкогрудого красивого оленя. Но оно пролетало моментально, когда охотники, устав от своих ожиданий, начинали думать о чем-то своем, отдаленном и поверхностном, совсем не относящемся к охоте, переключившись, к примеру, на то, сколько времени они будут после болеть, если этот парнокопытный рогоносец вскоре не появится. Если раньше Федор шутил, посмеивался над Пончиком, над самим собой, то сейчас помалкивал — экономил силы, которых, казалось, осталось не так много, чтобы побороть этот проклятый, вездесущий холод. Федор напрягал мышцы спины, и это помогало. Ненадолго. Спина на какое-то время переставала стынуть. Не помогало и спиртное. Оно мутило разум, но никак не согревало тело. Это была уже не охота. Это было соревнование между самими охотниками. Кто из них первый встанет, пошлет другого охотника и все, что его окружает, к чертовой бабушке и начнет долгий путь обратно в теплую избушку? Никто не хотел быть первым, и безумство продолжалось. Пончик ныл, но не сдавался, Федор молча сжимал зубы, надеясь, что все же он победит. А кто же должен победить, если не он! Не этот же мамин сосунок, неоперившийся бройлерный цыпленок! Федор опытный, сильный, закаленный во всех жизненных перипетиях. Стыдно сдаваться первому!

— О чем Пончик-то думает? — размышлял Федор. — Почему не сдастся? Его жир греет! — неожиданно Федору пришла такая мысль, и от этой мысли ему стало жарко. От гнева. — Вот гад! А что я! Кости да кожа! Еще немного полежу и, смотришь... Никакая соседка больше не будет нужна!

От такой мысли Федора пробил холодный пот. Ему стало совсем плохо.

— Себя не жалеешь, пожалей хоть тех, кто рядом с тобой! — это Федор подумал о соседке и... готов был уже подняться, но тут новый шум на вершине сопки заставил его теснее прижаться к земле. Охотники перестали дышать. Казалось, даже их пульс перестал часто биться. Шум стал отчетливее, ближе, еще ближе...

— Может, уже мерещится! — думал каждый из них.

Но нет! Не померещилось! На тропинку вышла долгожданная добыча. Это был изюбр. Он шел, низко опустив голову, большими пухлыми губами ощупывая землю, пытаясь

найти на промерзшей холодной почве хоть какую-нибудь травинку корма. Его ноздри раздувались, изо рта валил пар.

— Ветер от него! — в голове Федора радостной птицей пролетела добрая мысль. — Не чувствует!

— Раз, два... — про себя стал считать Федор, дожидаясь, когда мускулистое тело оленя ляжет четко на мушку ружья, как готовый, созревший персик на тарелку гурмана. — Три! Стреляй, Федор!

Раздавшийся выстрел потряс тишину, оглушил Пончика и поверг оленя наземь. Тот упал, как подкошенный, задергал ногами, пытаясь бежать, не понимая животным умишком, что поздно, и затих... Уши зверя слышали второй выстрел, и в его глазах, уже в последний раз, пронеслось удивительно красивое, синее бескрайнее небо. Голубую синь залило красной краской, эта краска сгустилась, превратилась в черную бездну, потом — в точку и застыла. Беспросветная пелена окутала зрачки, выдавливая нечаянную горькую слезу. Зверь перестал что-либо чувствовать.

Федор ликовал. Рядом прыгал Пончик, тряся всем, что трясется! Он забыл о том, что не так давно мерз и скулил от холода, что оглох от выстрела! Они обнимали друг друга, поздравляли, пожимали руки, бесились и неистово восхищались произошедшим!

— Где ты, звериный бог! — заорал Федор, обращаясь к небесам. — Где ты! Я победил! Я! Ты мог бы уберечь изюбра! Не пустить его к нам! Ты мог нас доконать холодом! Но мы выстояли! Мы победили! Я человек! Я сильнее тебя! Я победил!

Наоравшись вволю, охотники принялись разделять тушу. Эту кропотливую и трудную работу Федор поручил Пончику, выражая этим ему свое доверие и уважение. Сам Федор уселся невдалеке, продолжая пожинать лавры победителя, ловя на себе одобрительные и восхищенные взгляды товарища. Тот острым охотничьим ножом вспарывал зверю брюхо. Когда часть шкуры была уже снята, Пончик приступил к ответственному моменту — отделению мочевого пузыря и вытаскиванию кишок. Пончик раздвинул ноги зверю и, заглянув туда, принялся усердно перепиливать все лишнее. Лишнего было много.

— Эротика, блин! — ругнулся Пончик. — Мясато сколько!

Мяса, действительно, было много.

— Не донесем сразу! — подумал Федор. — Тяжело! Частьями не хочется. Сил не осталось! Может быть, здесь переночуем, а? Анатолий?

— А что? — отозвался Пончик. — Кушать есть чего, разожжем костер! У меня ноги так затекли, что шагу ступить не могу! Завтра со свежими силами!

— Пока разделаем, пока сложим, — рассуждал Федор — уже темнеть начнет. Ночью по сопкам шляться — занятие не из хороших! Годится! Остаемся до завтра!

Федор пошел собирать дрова для будущего костра. Дров было мало. Очень мало! Какие деревья на сопках?

— На час не хватит!

Федор походил еще какое-то время в поисках древесины, к нему и Пончик присоединился, закончив свое дело, но результат их поисков оставался прежним. Дров было немного, Почти ничего. Начало темнеть. Днем солнце и то не грело, а, когда оно скрылось, мороз яростнее прежнего вгрызся в землю и во все, что имело смелость на земле стоять или по ней ходить. Казалось, что даже камни и те затрещали от холода.

Огонь погас, сожрав за считанные минуты все, что было собрано, не успев даже толком поджарить то, что было приготовлено на ужин. Водка кончилась, но, как мы уже выяснили, толку от нее тоже было мало. зуб на зуб не попадал. Охотники приуныли. В мучениях час проходил за часом. Не прмогли танцы, догонялки, прыжки, метание камней, бег на короткие дистанции я даже кувырки. От ругани становилось легче. На душе. Тело по-прежнему мерзло. Все эти физкультурное разминки еще более усугубили положение. Разогретое тело остывало быстрее, и теперь надо было беспрестанно двигаться, чтобы, в конце концов, не замерзнуть, не получить воспаление Легких или просто не слохнуть. Сколько времени вы можете безостановочно двигаться? Час? Два? Но не всю же ночь! Усталость брала свое. Надо было что-то предпринимать.

— Есть идея! — воскликнул Пончик, — рассматривая шкуру изюбра. — Теплая шкура! Как меховое одеяло! Укутаемся и согреемся!

— Перепачкаемся!

— А мы в мех закутаемся! Как ее ... мездрой наружу!

— Идея хорошая! — поддержал Пончика Федор. — Я и не додумался!

Охотники расстелили шкуру на земле, улеглись на нее, повернувшись друг к другу спиной, накрылись, и через некоторое время их дружный храп возвестил всем окружающим сопкам, что здесь спокойно отдыхают измотанные в край люди, выполнившие все, что было в их силах, став победителями над всем живым в этом суровом крае и в том числе над самой недружелюбной стихией.

Первым проснулся Федор. Он проснулся от того, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Шкура, которой охотники так легкомысленно доверились, на морозе превратилась в камень, став панцирем, льдом, сковавшим людей. Освеженные лохмотья шкуры, остатки мяса, кровь и прослойки жира превратилась в один неразгибаемый, некрошившийся кусок мрамора. И этот кусок стал гранитом, цементом, металлом. Шкура приняла форму их тел, а если учесть, что во сне охотники, пытаясь поплотнее укутаться, подсовывали и сильно натягивали шкуру на каждый участок своего тела, используя каждый лоскут шкуры с максимальной пользой для себя, то и получилось, что сейчас они оказались прижаты друг к другу крепкими, стальными, застывшими, не поддающимися человеческим усилиям кожаными «обручами». И этот саван был смертельным. Из него нельзя было выбраться, его нельзя было разрезать, ибо рукам надо было еще добраться до ножа. Федор закричал. Пончик проснулся. Они задержались, заверещали. Все было тщетно. Кожаный капкан не только не отпустил, он даже не растянулся. Шкура была покрыта льдом не только сверху. Проморозив шкуру полностью, лед пробрался глубже, туда, где потел согретый телами охотников волос. Верхний слой одежды в некоторых местах был уже прихвачен ледком. Приклеился. А холод лез уже и из промерзшей земли. Скованность этих двоих и утренний мороз делали одно дело. Медленно и уверенно убивали

охотников. Надежды на то, что станет теплее, не было! Климат не тот! Станет теплее, но через месяц, а то и более! Сколько так можно провалиться? Недолго. Совсем недолго.

— Господи! — взмолился Федор. — Что же это такое!

И тут он вспомнил про звериного бога и про предупреждения деда.

— Отомстил же все-таки! Отомстил!

Набежала слеза.

— Предупреждал же дед! Предупреждал! Не послушал! Если выберемся! Если останемся живы!. Никогда! Слышишь, ты! Никогда! Ни в жизнь! Да чтобы я хоть еще один раз, вот так! На охоту! Клянусь! Обещаю! Господи, спаси, сохрани и помилуй нас!

Федор, действительно, прозрел, но какой был сейчас толк от этого прозрения? Жить осталось... морозцу поднаддать! А если и не морозец, то голодуха довершит начатое. Голод-то, он не добрее холода будет!

Вот так и лежали они рядышком, стреноженные, скрученные, уничтоженные. Даже ругаться не хотелось! Какая там ругань, когда пришло время подумать о душе! Когда Пончик вспомнил о своей душе, ему стало ее очень жаль. Большая была у него душа! Очень большая! Он весь — одна сплошная душа. Килограммов на сто! Сколько же он всего не докусал в своей жизни! И Пончик заверещал. Он стал дергать ногами, руками, стал грызть шкуру, раздирал ее изнутри ногтями, пыхтел, напрягал брюшко, надувал щеки, ворочался. Вслед ему завертелся и Федор. Они отталкивались друг от друга чем только могли, дышали на лед, пытаясь растопить его своим дыханием,

расправляли плечи. Все было тшетно. Закоченевшая шкура держала своих пленников мертвой хваткой. Наконец Федору удалось перевернуться, и теперь он устало дышал Пончику в затылок. Федор попытался оттолкнуться руками от спины Пончика, но и эта попытка оказалась неудачной. Шкура не поддавалась. Любые их попытки вылезти из шкуры означали почти одно и то же: камень нельзя развернуть, как старую и ненужную газету. Сколько времени они вертелись, тужились, грызли шкуру, дергали ногами, крутили руками — неизвестно. Очень долго. Они отдыхали, теряли сознание от ужаса, продолжали сопротивляться, но все это было похоже на агонию. Безднадежность — истеричная, напрасная, выматывающая — овладевала пленниками. А день неумолимо угасал. Вместе с днем угасали и силы охотников. Изнеможение застало их в той позе, в которой Федор и Пончик оказались в первый раз после многочасовой попытки выбраться. Пончик лежал на животе, Федор на нем, уткнувшись лицом в надутую дурными духами шевелюру товарища.

— Каким дерьмом ты надушился! — теряя самообладание, завопил Федор. — Если и суждено мне подохнуть, то только пусть не от такой вони! Вылезу, твою душу богу мать! Я тебя пристрелю! На фиг!

— Ты сначала вылез! — пропищал Пончик, — потом угрожай! Если хочешь, давай перевернемся!

— Перевернуться? — еще громче заорал Федор. — Чтобы ты меня раздавил? Как танк гусеницу? Двигайся! Двигайся! Шевели конечностями! Пытайся выбраться!

— Ты от меня отталкивайся сильнее! Еще сильнее! Упирайся руками! — вопил Пончик и дергался всем телом, прыгая на своем животе, как на мячике.

— Куда упираться-то? У тебя везде одни опухоли! Рука проваливается!

Через пять минут после подобных упражнений Пончик взмолился:

— Всю спину истоптал! Все ребра поломал! Синяки! Все болит! Везде болит! Массажист хренов! Ой-ой-ой!

— Я тебе покажу, как советовать мне заворачиваться в шкуру! — орал в ухо Пончику Федор. — Я тебе покажу «холодно»!

Прыгал бы всю ночь по сопкам, и ничего не случилось бы! А то «завернемся, завернемся!» Я-то дурак, послушал! И кого? Еще большего дурака, чем я! Идиота! Дауна! Терпи, скотина, если жить хочешь!

— Не могу больше терпеть! — причитал Пончик. — Не пойду с тобой больше на охоту!

— Молчи, убийца! — ревел Федор. — Молчи и дергайся!

— Тебе тепло на мне лежать, мягко! — Пончик не сдавался. — А у меня пупок к кишкам примерз! И не только пупок!

— Даже если захочешь перевернуться, не позволю! — шипел Федор. — За ухо укушу! Ты виноват, ты и помирай первым!

— Не хочу первым! — еще больше прежнего взмолился Пончик. — Я-то как же? Я-то! Не в счет? Да?

— Одной обжорой меньше, одной больше!

— Ты почему мне на ухо орешь? — вдруг ни с тога ни с сего спокойно поинтересовался Пончик. — Я уже оглох от твоего орания!

— А что нельзя? — голос Федора дрогнул и стал тише.

— Да нет, можно, конечно, но что это изменит?

— Ничего не изменит!

— Ну так и не ори!

— А ты мне не советуй! Лежишь — и лежи! Грей друга, можно сказать, до последней своей минуты! Можно сказать, осуществи самопожертвование!

— А я не хочу этого само.... Как его? Самопожертвования! Ты поинтересовался, нравится мне это или нет?

— А кто тебя сейчас спрашивает? Обстоятельства так сложились!

— Какие это, на фиг, обстоятельства, если твой друг помрет скоро? Мог бы и спросить меня! Ради вежливости! И что дальше?

— Что дальше? Ничего! Когда ты замерзнешь, я тебя добрым словом помяну! Благодарить буду за то, что ты продлил мою жизнь, насколько смог.

— Не пойду я с тобой больше на охоту! — опять запричитал Пончик. — Не хочу я продлевать твою жизнь во вред моей!

— Эгоист ты, Толик! — сделал заключение Федор. — Убийца, одним словом! Во всех смыслах!

— Это я-то убийца? — возмутился Пончик. И тут к нему неожиданно пришла страшная мысль:

— Нас так и найдут?

— Как так?

— Ну, вот так!

— Не знаю, — честно признался Федор. — Ты чего предлагаешь?

— Ничего я не предлагаю! Ты просто представь! Что люди подумают?

— Представил.

— Ну и как?

— Нехорошо получается.

— Вот и я о том же! Слава богу, что нас дед сейчас не **видит!**

— Это как сказать! Может, помог бы!

— Объясняйся потом! Почему мы так.., Как это... заморозились!

— Ты дергаться-то не забывай!

— Да я не забываю!

— Еще сильнее можешь?

— Не могу!

— А ты постарайся!

— Я стараюсь!

Здесь охотники внезапно увидели сидящего недалеко от них старого егеря. Вернее всего, его первым заметил Федор. Дед пришел проверить, как у них обстоят дела. Много они настреляли или нет. Он уже минут пять сидел в сторонке и, положив седую голову на руку, наблюдал за прыгающими друг на друге охотниками. Когда Федор увидел деда, он потерял дар речи и, больше ничего не решаясь произнести вслух, только и смог, что на очередное Пончиково подпрыгивание больно вонзил кулак другу в бок.

— Ой! О... е... е... й! — завопил Пончик. — Садист проклятый! Слезай с меня немедленно! Я на тебя лягу! Устрою? Покажу!

— Молчи, гад! — прошипел Федор Пончику на ухо. — На нас дед смотрит!

От этих слов Пончик онемел. Они оба устали сидеть на сидящего невдалеке деда. Казалось, что это огромная двухголовая

черепаха впервые увидела человека, и ее парализовало. Оцепенение длилось долго.

— Не помешал? — медленно и тягуче выдавил из себя дед.

— Д... д... д... дед! — Пончик стал заикаться. — М... м... м... мы, тут... Вот...

— В шкуру залезли! — перевел Федор объяснения Пончика на нормальный язык. — А она замерзла...

— Замерзла?

— Замерзла.

— Шкура?

— Шкура.

— Вот что Федор... — четко, без оттенка каких-либо эмоций, как давно передуманное и решенное, громко произнес дед, вставая и доставая из голенища свой охотничий нож. — Шкуру я сниму... Только ты... это... того... не приезжай ко мне больше. Не позорь ты мои седины! Очень тебя прошу.

— Ладно... — пробубнил Федор и насупился.

Они, понурившись, молча спускались с сопок, стараясь не смотреть деду в глаза, даже старались не встречаться глазами друг с другом. Когда совсем стемнело, подошли к охотничьей избушке. Где-то рядом скрипнула стволем дряхлая

сосна, и в ответ ей захохотал старый филин. Он давно облюбовал это дерево для своего ночного дежурства. Федор поглубже втянул шею и голову в воротник. Ему казалось, что над ним смеется и издевается всемогущий звериный бог.

Москва. Апрель 2005 года.

Автор благодарит за предоставленную информацию Леонида Иосифовича Ламма.

Охотники или рыбаки, желающие поделиться своими интересными случаями на охоте или рыбалке, могут позвонить по телефону (095) 305—62—45. Спросить автора.

**Благотворительный фонд
спасения и реабилитации
человека и животных
«Движение добрых»**

- поиск пропавших животных;
- спасение животных (кошка на дереве и т. д.);
- работа с дикими и опасными животными (змеи и т. д.);
- передача животных в семьи;
- любые другие вопросы.

Приют ищет спонсоров
т. (095) 305-62-45
zoo-find.narod.ru

Научно-популярное издание

Сугробов Валерий Юрьевич
Рассказы нерадивого рыбака и охотника

Редактор Р. И. Каганова
Корректор В. С. Акимова
Художник Н. А. Бачинская
Компьютерная верстка О. Л. Чистяков

Познакомиться с книгами издательства вы можете на сайте
www.aquarium-zoo.ru

По вопросам оптового приобретения книг
издательства ООО «Аквариум-Принт» обращаться
по e-mail: zooknigi@aquarium-zoo.ru
Редакция: aquarium@aquarium-zoo.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
* ОК-005-93, том 2: 95 3004 — книги

Сан.-эпид. закл. № 77.99.24.953.Д.000063.01.05 от 13.01.2005 г.

Подписано в печать 12.07.05, Формат 84x108/32
Усл. печ. л. 2,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 5758

Издательство ООО «Аквариум-Принт»
105066, Москва, Ольховская ул., д. 16, стр. 6
Тел./факс (095) 974-10-12

Представительство издательства «Аквариум»
в Санкт-Петербурге фирма «Дельта»
СПб., ул. Маршала Говорова, д. 5/4, (ст. м. «Кировский завод»)
Тел./факс (812) 185-36-58, тел. (812) 184-45-72

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение.

Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями!

Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена!

По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org